

УДК 17
ББК 87.7я73
Э90

**Авторский коллектив кафедры этики
философского факультета МГУ им. М. Ломоносова:**

Гусейнов А. А. — заведующий кафедрой, академик РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель авторского коллектива (предисловие, глава 1);

Гаджикурбанов А. Г. — кандидат философских наук, доцент (глава 2);

Прокофьев А. В. — доктор философских наук, профессор (параграфы 3.1—3.3; 3.5—3.10; 4.3; глава 5);

Разин А. В. — доктор философских наук, профессор (параграфы 4.1; 4.2; 4.4—4.7);

Пороховская Т. И. — кандидат философских наук, доцент (параграфы 3.4; 6.1—6.5);

Иванюшкин А. Я. — доктор философских наук, профессор, кандидат медицинских наук (параграф 6.6).

Рецензенты:

Бахитановский В. И. — доктор философских наук, профессор;

Зубец О. П. — кандидат философских наук.

Э90 **Этика** : учебник для бакалавров / А. А. Гусейнов, А. Г. Гаджикурбанов [и др.] ; под общ. ред. А. А. Гусейнова. — М. : Издательство Юрайт, 2013. — 569 с. — Серия : Бакалавр. Углубленный курс.

ISBN 978-5-9916-2385-8

Учебник подготовлен коллективом авторов кафедры этики философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Он дает систематизированный аналитический обзор основных моральных проблем, сочетает изложение важнейших достижений в их философском исследовании с авторской позицией, вводит в курс современных этических дискуссий. Особое внимание уделено наиболее острым проблемам общественной морали и прикладной этике.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения и методическим требованиям, предъявляемым к учебным изданиям.

Для студентов, аспирантов и преподавателей философских факультетов, а также для всех читателей, интересующихся вопросами этики.

УДК 17
ББК 87.7я73

ISBN 978-5-9916-2385-8

© Коллектив авторов, 2013
© ООО «Издательство Юрайт», 2013

**Памяти профессоров кафедры
Сергея Федоровича Анисимова,
Людмилы Борисовны Волченко,
Елены Леонидовны Дубко,
Александра Александровича Зиновьева,
Юрия Михайловича Смоленцева,
Александра Ивановича Титаренко
посвящаем**

Оглавление

Предисловие	7
Глава 1. Предмет этики	10
1.1. Значение терминов «этика», «мораль», «нравственность».....	12
1.2. Историческое изменение предмета этики: этика как теория морали	15
1.3. Историческое изменение предмета этики: этика как критика морали	22
1.4. Понятие морали	29
1.5. Парадоксы морали.....	40
1.6. Мораль как индивидуально-ответственное поведение.....	53
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>58</i>
Глава 2. Аксиоматика и метафизические основания морали.....	60
2.1. Субъективные основания морали.....	61
2.2. Объективные основания морали.....	68
2.3. Архетипы морального сознания	71
2.4. Стратегия морального сознания.....	76
2.5. Границы моральной действительности.....	87
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>96</i>
Глава 3. Категории морали и этики.....	97
3.1. Добро.....	99
3.2. Зло. Значение понятия «зло»	111
3.3. Милосердная любовь, забота, благотворительность.....	125
3.4. Прощение.....	139
3.5. Справедливость.....	161
3.6. Долг.....	177
3.7. Ответственность.....	193
3.8. Добродетель и порок.....	210
3.9. Совесть	228
3.10. Стыд	246
<i>Контрольные вопросы.....</i>	<i>262</i>
Глава 4. Обоснование морали	264
4.1. Проблема обоснования морали в теоретической этике	264

4.2. Обоснование морали в исторической перспективе: этика долга и этика добродетелей.....	276
4.3. Утилитаризм.....	282
4.4. Моральный абсолютизм.....	299
4.5. Этика дискурса.....	322
4.6. Натурализм.....	338
4.7. Социальный детерминизм в морали.....	354
<i>Контрольные вопросы</i>	364
Глава 5. Мораль в пространстве политики и права.....	366
5.1. Общественная мораль.....	368
5.2. Противодействие агрессии (индивидуальная самооборона и справедливая война).....	377
5.3. Наказание.....	395
5.4. Патерналистское принуждение.....	416
5.5. Распределение благ и ресурсов.....	440
<i>Контрольные вопросы</i>	459
Глава 6. Прикладная этика.....	461
6.1. Предмет прикладной этики.....	461
6.2. Корпоративная этика.....	477
6.3. Профессиональная этика.....	501
6.4. Этика бизнеса.....	516
6.5. Биоэтика.....	543
<i>Контрольные вопросы и ситуации для обсуждения</i>	562
Список рекомендуемой литературы.....	568

Предисловие

Предлагаемый учебник по этике предназначен для студентов (будущих бакалавров) философских факультетов и специальностей. Концептуально он исходит из двух предпосылок: этика является существенной и неотъемлемой частью (аспектом) философии; ее изучают не для того только, чтобы знать, что такое мораль, а для того в первую очередь, чтобы стать моральным. Студентам-философам этика необходима и как специалистам, поскольку она входит в их профессиональную подготовку, и как конкретным индивидам, неизбежно вынужденным в повседневной жизни сталкиваться с необходимостью и трудностью принятия морально взвешенных решений. Соответственно этому учебник преследует две основные цели:

- изложить свод основных достижений философии в деле познания морали с учетом исторически сложившегося многообразия теоретических подходов и нормативных программ;
- способствовать формированию у студентов культуры моральных размышлений и оценок, гражданского самосознания и индивидуально-ответственного стиля жизни.

По итогам изучения курса этики студент должен:

знать

- каково место этики в структуре философии и в чем заключается ее своеобразие;
- основные этапы исторического изменения предмета этики и содержание современных дискуссий вокруг понятия морали;
- каковы различия между этикой добродетелей Аристотеля и этикой категорического императива Канта;
- отличие морали от других форм духовно-практического освоения действительности;
- каковы основные способы теоретического обоснования морали;
- теоретические опыты морального нигилизма и причины их несостоятельности;

4.3. Утилитаризм

Определение и классические образцы утилитаристской этики. Под утилитаризмом принято подразумевать такую этическую теорию, которая рассматривает в качестве основания нравственного долга (или критерия разграничения добра и зла) пользу. Однако простое указание на центральное место категории «польза» в определенных этических концепциях не позволяет установить специфику этого явления. Для того чтобы конкретная концепция была признана утилитаристской, она должна совмещать в себе как минимум три свойства. Их очень удачную краткую характеристику предложил современный экономист и социальный философ А. Сен.

Первым свойством утилитаристской этики является «консеквенциализм» (от англ. consequence — следствие). «Он означает, что о любом выборе (действий, правил, институтов и прочего) судят по его последствиям, то есть по порождаемым результатам. Внимание к последствиям противостоит... тенденции, наблюдаемой в некоторых нормативных теориях, когда некие принципы полагаются верными независимо от результата их применения. На самом деле, консеквенциализм требует даже большего, чем просто озабоченности последствиями, поскольку полагает наиболее важными исключительно последствия и ничто иное»¹. Необходимо иметь в виду, что последствия выбора могут оцениваться как более или менее приемлемые с нравственной точки зрения лишь в том случае, если какие-то из них предполагают большее, а какие-то — меньшее количество того блага, приращение которого требует обеспечивать мораль.

Указание на это благо содержится *во втором свойстве* утилитаризма, которое А. Сен обозначил с помощью понятия «вэлферизм» (от англ. welfare — благосостояние). Целью морального субъекта с точки зрения утилитаристской этики является увеличение благосостояния тех людей, которые затронуты его поступками. Термин «благосостояние» является уточняющим синонимом слова «польза» (или «полезность»). Утилитаризм, словами А. Сена, «ограничивает суждение о положении дел полезностью того или иного "положения", при этом не интересуясь напрямую такими вещами, как осуществление или нарушение прав, обязанностей и прочего. Сочетание вэлферизма с консеквенциализмом порождает особое требование, а именно: судить о любом выборе по той полезности, которую он приносит. Например, о любом поступке судят по последствиям, к которым он привел (с позиций

¹ Сен А. Развитие как свобода. М.: Новое издательство, 2004. С. 76–77.

консеквенциализма), а о последствиях судят по той полезности, которую они принесли (с позиций вэлферизма)»¹.

Наконец, *третьим свойством* утилитаристской этики является «суммарная оценка», согласно которой «полезность отдельных индивидов просто складывается с целью определить их совокупное достояние, при этом не важно, каким образом эта сумма распределена среди индивидуумов (то есть находится максимальное значение суммарной полезности, невзирая на степень неравенства в распределении полезности)».

Итоговая формула утилитаризма, учитывающая все три его свойства, может быть представлена следующим образом: «О любом выборе судят по величине суммированного благосостояния, порожденного этим выбором»².

Отдельные элементы утилитаризма и даже его итоговую формулу в ее применении к частным, в особенности общественно-политическим, проблемам легко обнаружить на всем протяжении истории этической мысли. В качестве общего принципа, вмещающего в себя все нормативное содержание морали, она рассматривалась некоторыми английскими теологами XVIII в. Однако для них рассуждение об увеличении полезности являлось способом обоснования принципов, входящих в христианскую моральную доктрину, а не инструментом поиска оптимальных критериев разграничения между добром и злом. Поэтому самостоятельное существование этики утилитаризма следует отсчитывать от социально-этической концепции И. Бентама. В своем «Введении в принципы морали и законодательства» И. Бентам утверждает, что «под принципом полезности понимается тот принцип, который одобряет или не одобряет какое бы то ни было действие, смотря по тому, имеет ли оно (как нам кажется) стремление увеличить или уменьшить счастье той стороны, об интересе которой идет дело, или, говоря то же самое другими словами, содействовать или препятствовать этому счастью»³. Так как одобрение или осуждение действия на основе «принципа полезности» замкнуто на вопрос об увеличении счастья, тождественного для И. Бентама удовольствию, то моральная оценка в рамках предложенной им позиции не может осуществляться без замеров этого явления. И. Бентам исходил из того, что в распоряжении морального субъекта имеется достаточно надежный инструмент для измерения индивидуаль-

¹ Сен А. Развитие как свобода. С. 77.

² Там же. С. 7.

³ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. С. 10.

ного уровня счастья в определенный момент времени и на определенных временных промежутках.

Первым элементом такого инструментария служат критерии оценки удовольствий. Непосредственными, первичными критериями являются их интенсивность, продолжительность, несомненность или сомнительность, а также близость или отдаленность. С учетом того, что отдельное удовольствие встроено в жизненный нарратив испытывающего его человека, количественный индекс каждого удовольствия должен, по мнению И. Бентама, отражать не только его собственные свойства, но также способность к порождению других удовольствий и страданий. На этой основе к четырем первичным критериям, искусственно вырывающим отдельное удовольствие из единства индивидуального опыта, добавляются критерии плодovitости и чистоты¹. Вторым элементом бентамовского инструментария служит исчерпывающая, по его мнению, классификация типов простых удовольствий (от «удовольствий чувств» до «удовольствий облегчения»). Она необходима утилитаристу, поскольку на ее основе выделяются объекты измерения. Критерии количественной оценки применяются именно к простым элементам сложных удовольствий, полученным в результате аналитического разложения последних². Наконец, бентамовское измерение счастья учитывает не только объективные закономерности в сфере получения удовольствия, но и индивидуальную чувствительность каждого человека. Для того чтобы такой учет был систематическим и достоверным, И. Бентам предлагает типологию факторов, которые варьируют подобную чувствительность³.

Если стороной, «об интересе которой идет дело», является не индивид, а коллектив (общество), то список критериев количественной оценки дополняется еще одним — распространением удовольствия. Так как интерес коллектива, по И. Бентаму, не может быть ни чем иным, кроме суммы интересов, входящих в него индивидов, то для выяснения «общей тенденции» какого-либо действия оказывается необходимо: 1) сложение чисел, выражающих превышение удовольствий над страданиями для тех, кто выигрывает от его совершения; 2) сложение чисел, выражающих превышение страданий над удовольствиями для тех, кто проигрывает от его совершения; 3) подведение итогового баланса. Подобное суммирование позволяет не только устано-

¹ Бентам И. Введение в основания нравственности и законодательства. С. 41–42.

² Там же. С. 46–57.

³ Там же. С. 58–92.

вить положительную или отрицательную тенденцию действия, но и выбрать среди потенциальных стратегий поведения ту, которая ведет к «наибольшему счастью наибольшего количества людей»¹. Принципиальным условием правильности утилитаристского суммирования является сохранение равной значимости счастья каждого человека в ходе решения вопроса о моральной правильности или неправильности планируемого действия. Позднее с легкой руки Дж. С. Милля посылка равной значимости («каждый должен считаться за одного и никто — более чем за одного человека») получила название «бентамовского афоризма».

Основным внутренним противоречием утилитаристской этики И. Бентама является необходимость совмещения строго гедонистической психологии с императивностью принципа «наибольшего счастья наибольшего количества людей». Если удовольствие и страдание, по словам И. Бентама, «верховные властители» человечества, то исполнение требования увеличивать суммированное счастье никак не может быть вменено их «верноподданым». Ведь исполнение принципа «наибольшего счастья» совсем не обязательно приносит действующему лицу то удовольствие, которое превышает его страдания от негативных последствий соблюдения этой нормы или от потери возможности совершать иные (нравственно неоправданные) поступки. Один из способов решения этой проблемы связан с бентамовским разграничением «частной этики», служащей счастьем самого индивида, и «законодательства», служащего счастьем общества, в том числе созданию системы институтов и традиций, в которой стремление каждого к своей пользе будет улучшать положение всех². Однако этот ход мысли всего лишь переносит противоречие на уровень мотивов законодателя, исток которых остается непонятным. Да и в рамках «частной этики», как она описана И. Бентамом, стремление к счастью другого уже соединено со стремлением к собственному счастью. Другой способ решения проблемы — ослабление гедонистических посылок психологической теории, стоящей за утилитаристской этикой, признание того, что не всякое стремление есть стремление к удовольствию. Но отсюда следует, что и желание блага другому человеку не обязательно должно принимать форму стремления обеспечить ему максимальное количество удовольствий. Тем самым подрывается универсальность критерия «наибольшего счастья наибольшего количества людей».

¹ Бентам И. Указ. соч. С. 43–44.

² Там же. С. 386

Идейный наследник И. Бентама Дж. С. Милль рассматривал консеквенциалистское понимание морали в качестве неизбежного для этики («моральность действий зависит от последствий, которые они порождают — таково убеждение разумных людей, принадлежащих ко всем школам») и считал основным предметом теоретических разногласий вопрос о том, какие критерии позволяют определять моральную значимость последствий¹. В этой связи Милль попытался разработать обоснование правильности утилитаристского критерия — «принципа пользы». Это обоснование не является строгим доказательством и призвано лишь «расположить» интеллект к принятию данного принципа. Миллевское обоснование предполагает последовательный переход от всеобщего желания счастья к его объективной «желательности», и от утверждения о том, что счастье есть благо для конкретного человека к утверждению о том, что благом для совокупности людей является именно общее счастье². Последний шаг часто рассматривается как доказательство неразрывной связи общего счастья и счастья каждого индивида, т.е. как рассуждение, прямо формирующее альтруистические убеждения. Однако скорее всего оно всего лишь показывает необходимость беспристрастного суммирования счастья теми, кто уже стремится обеспечить благо определенной совокупности людей.

В отличие от И. Бентама, у Дж. С. Милля нет единого понимания той роли, которую «принцип пользы» играет в ходе принятия решений моральным субъектом. Довольно часто этот принцип характеризуется им как способ определения долга в конкретных ситуациях. В трактате «Утилитаризм» мы находим следующую формулировку: «Учение, признающее основанием нравственности полезность или принцип величайшего счастья, оценивает поступки по отношению их к нашему счастью: те поступки, которые ведут к счастью, — хороши, а те, которые ведут к несчастью, — дурны»³. Не исключено, что данное утверждение относится не столько к единичным поступкам, сколько к их классам, а значит, к общей норме, на которую следует опираться в ходе принятия решений. Но и в этом случае текст «Утилитаризма» не оставляет сомнений в том, что выявление классов правильных и неправильных поступков представляет собой лишь часть предназначения «принципа пользы». По-

¹ Mill J. S. Bentham // Mill J. S. The Collected Works. Vol. 10. L.: Routledge and Kegan Paul, 1969. P. 111.

² Милль Дж. С. Утилитарианизм // Милль Дж. С. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Издание книгопродавца И. П. Перевозникова, 1900. С. 144—145.

³ Там же. С. 100.

следний позволяет не только формулировать так называемые «вторичные правила», но и ситуативно проверять результаты их применения. Возможность такой проверки демонстрирует ключевая миллевская аналогия. Он уподобляет «вторичные правила» морали результатам готовых астрономических вычислений из «Морского альманаха», которые моряки могли бы получить и непосредственно в ходе плавания. Однако такая проверка, по Дж. С. Миллю, не только возможна, но и необходима. По крайней мере во всех нехарактерных и сомнительных случаях. Так, каждый знает, что кража «вредна для счастья людей». Однако «для того чтобы спасти жизнь человека, не только дозволительно, но даже обязательно украсть или отнять силою необходимую для этого вещь или лекарство»¹. За пределами текста «Утилитаризма» у Дж. С. Милля встречаются формулировки, которые исключают прямое действие «принципа пользы». Так, в «Системе логики» Милль утверждает, что «есть много добродетельных действий... которые в частных случаях ведут к потерям в отношении счастья, производят больше страдания, чем удовольствия. Однако такое поведение... имеет оправдание лишь тогда, когда существует возможность продемонстрировать, что в целом в мире будет больше счастья, если будут поощряться те чувства, которые делают людей в некоторых обстоятельствах невнимательными по отношению к счастью»².

Еще одним отличием от этической теории И. Бентама является то, что Дж. С. Милль обнаруживает в сфере удовольствия качественные разграничения. Так, И. Бентам утверждал, что удовольствие от примитивной игры в кнопки не только равно удовольствию от поэзии и музыки, но даже превосходит его в силу своей «общедоступности» и «невинности». Дж. С. Милль увидел в этом утверждении не только грубое искажение основ нравственного опыта, но и один из главных поводов для нападок на учение. Противники утилитаризма утверждают, что доктрина, в которой нет более прекрасной и благородной цели, чем удовольствие, «достойна разве одних только свиней». Однако, по мнению Дж. С. Милля, эти нападки опираются на неверное предположение, что человек не способен иметь иных удовольствий, кроме «свинских», либо не способен разграничивать «скотские» и «более возвышенные» (умственные, нравственные, эстетические) удовольствия. Критерием для разграничения «высших» и «низших» удовольствий, по Дж. С. Миллю, является-

¹ Там же. С. 192.

² Mill J. S. System of Logic Ratiocinative and Inductive // Mill J. S. The Collected Works. Vol. 8. L.: Routledge and Kegan Paul, 1969. P. 952.

ся следующий: «Если люди, вполне испытавшие два каких-либо удовольствия, отдадут одному из них столь большое предпочтение, хотя и знают, что достижение его сопряжено с гораздо большими неприятностями, чем достижение другого, но все-таки предпочитают его даже и тогда, когда другое представляется им в самом большом количестве, в каком только возможно, то мы имеем полное основание заключить, что предпочитаемое удовольствие имеет перед другим столь значительное качественное превосходство, что количественное между ними отношение теряет при этом почти всякое значение»¹. Дж. С. Милль не дает однозначного ответа на вопрос, можно ли ориентироваться в вопросах разграничения удовольствий по качеству на «общее чувство и общее мнение» или только на мнение тех людей, которые «поставлены в благоприятные условия для опыта, способны к самонаблюдению и к самосознанию». Однако в любом случае он считает необходимым скорректировать определение «принципа пользы» в соответствии с качественным подходом к удовольствиям: в отношении самого себя и в отношении других высшей целью человека является «существование, наивозможно свободное от страданий и наивозможно богатое наслаждениями как количественно, так и качественно»².

Отдельные проблемы утилитаристской этики и их отражение в современных этических дискуссиях. Каждый из пунктов утилитаристской схемы определения должного поступка вызывает значительные затруднения у морального субъекта, пытающегося ее использовать. Попытки снять такие затруднения и найти оптимальные формы применения «принципа пользы» задают основные направления развития современной утилитаристской этики.

1. Выбор объекта утилитаристского обоснования. Первый вопрос, с которым сталкивается этика утилитаризма: что именно должно проверяться с помощью утилитаристского теста на сравнительное увеличение полезности? В качестве возможных кандидатов выступают последствия единичных действий, последствия применения нравственных норм и последствия деятельного воплощения мотивов поведения и черт характера. Считается, что до Г. Сиджвика, третьего крупного представителя классического утилитаризма, различие подходов, возникающих вследствие разных ответов на этот вопрос, отчетливо не осознавалось. Как мы показали выше, И. Бентам обсуждал лишь один из них,

¹ Милль Дж. С. Утилитарианизм. С. 102–103.

² Там же. С. 106–107.

а Дж. С. Милль, не испытывая особенных неудобств, использовал разные подходы в различных теоретических контекстах. Однако в настоящий момент границы между ними вполне определены, а их различие активно обсуждается.

Первый подход получил название «прямого утилитаризма», в качестве синонима используется понятие «утилитаризм действий» (яркие представители — Дж. Смарт, П. Сингер)¹. Критерием нравственной правильности конкретного поступка в данном случае считается его способность приводить к таким последствиям, которые в наибольшей степени увеличивают полезность. Другой подход предполагается «косвенным утилитаризмом», представители которого по ряду причин отказываются проводить через тест на увеличение полезности последствия конкретных действий. В качестве оснований для отказа могут выступать: а) сложность анализа последствий отдельных поступков в конкретных ситуациях; б) неспособность индивидов сохранять эмоциональное равновесие и беспристрастность в ходе подобного анализа; в) опасные последствия «утилитаризма действия» для координации деятельности между людьми, сохранения общественного порядка и солидарности. К примеру, отдельная кража при «беспристрастно благожелательном» распределении украденного может дать очень хорошие результаты в отношении совокупной удовлетворенности или благосостояния затронутых ею сторон. Однако признание условности запрета на воровство, вытекающее из одобрения отдельной кражи, ведет к катастрофическим последствиям в том же самом отношении.

Аргументация против «утилитаризма действия» порождает два варианта «косвенного утилитаризма», имеющих разную пространственность: «утилитаризм мотивов и свойств характера» и «утилитаризм правил» (если нормы берутся вместе с обеспечивающими их исполнение санкциями — «утилитаризм институтов»). В последнем, более влиятельном, варианте утилитаристской моральной философии главным предметом поиска является наиболее удачный в отношении максимизации полезности этический кодекс. По мнению Р. Брандта, он должен включать набор правил поведения, который был бы достаточно прост, чтобы его

¹ См.: Singer P. Is Act-Utilitarianism Self-Defeating? // The Philosophical Review. 1972. Vol. 1. №. 1. P. 94–104; Smart J. J. C. Extreme and Restricted Utilitarianism // Theories of Ethics / ed. by P. Foot. N.Y.: Oxford univ. press, 1967. P. 171–183; Smart J. J. An Outline of a System of Utilitarian Ethics // Smart J. J., Williams B. O. Utilitarianism: For and Against. Cambridge: Cambridge univ. press, 1973. P. 9–12.

можно было легко изучить, и набор процедур для решения конфликтов между нормативными положениями, которые были бы достаточно эффективны, чтобы моральный субъект не попадал в тупиковые ситуации¹.

Некоторые философы пытаются показать ложность дихотомии двух типов утилитаризма. Так, с точки зрения Р. Хеара, их противостояние снимается с помощью разграничения между «критическим» и «интуитивным» уровнями морального мышления. Второй уровень полагается на готовые, апробированные опытом поколений и закрепленные на уровне привычек и автоматизмов моральные нормы. Повседневная практика принятия нравственных решений должна осуществляться именно на этом уровне. И лишь в некоторых случаях, когда готовые нормы конфликтуют между собой или когда исполнение нормы в новой и непривычной ситуации очевидно ведет к негативным в отношении суммарного благосостояния последствиям, вступает в действие критический уровень. Он включает в себя оценку полезности, сопряженной с альтернативными линиями поведения в конкретной ситуации. Следует отметить, что подобный вариант соединения двух видов утилитаризма является всего лишь более реалистичной версией утилитаризма действий².

2. Содержание и измерение благосостояния отдельных индивидов. Классическая утилитаристская традиция недвусмысленно отождествляла индивидуальную полезность с удовольствием и счастьем. В современном утилитаризме этот тезис превратился в остро дискуссионный. Основной альтернативной позицией является такой критерий благосостояния как удовлетворенность желаний. В отличие от счастья или удовольствия он не является исключительно субъективным, поскольку включает в понятие благосостояния не только переживания, но и некоторые объективные результаты деятельности человека (достижения, материальные приобретения, высокую внешнюю оценку) или даже просто благоприятные для него ситуации. Данный критерий благосостояния имеет то преимущество, что позволяет отсеивать некоторые удовольствия, которые не сопровождают, а замещают собой предметную практику. Переход к утилитаризму удовлетворения желаний является одним из способов ответа

¹ Brandt R. *Morality, Utilitarianism, and Rights*. N.Y. : Cambridge univ. press, 1992. P. 158–178.

² См.: Хэар Р. Как же решать моральные вопросы рационально? // Мораль и рациональность / под ред. Р. Г. Апресяна. М. : ИФ РАН, 1995. С. 30–35; Hare R. M. *Moral Thinking. Its Levels, Method, and Point*. Oxford : Clarendon press, 1981. Part I. P. 1–86.

на контраргумент против утилитаризма, состоящий в том, что утилитаристски мыслящий моральный субъект должен был бы одобрить противоречащее нравственной интуиции решение о своем собственном (либо всеобщем) подключении к «аппарату, стимулирующему центры удовольствия», или к «машине по производству личного опыта». Некоторые из сторонников этой позиции полагают, что утилитаризм должен оперировать даже не концептом «желание», а концептом «предпочтение», который отражает тот факт, что желания человека находятся в иерархизированном состоянии, имеют для него разную значимость. Не располагая информацией о предпочтениях лица в отношении разных желаний, мы не сможем построить его индивидуальную «функцию полезности»¹.

Защитники традиционного понимания благосостояния (одним из них являлся Р. Брандт в поздний период своего творчества) предполагают, что утилитаризм счастья вполне способен справиться с трудностями, которые порождает субъективность этого критерия, а вот утилитаризм удовлетворения желаний (предпочтений) изначально оказывается несостоятельным в практическом отношении. Мир человеческих желаний находится в процессе постоянного изменения, и мы не можем выбрать такую линию поведения, которая максимально увеличивает их удовлетворение, поскольку не знаем, желания какого времени необходимо принимать за точку отсчета: прошлые, нынешние или будущие. У нас нет оснований исключать из расчета прошлые желания, поскольку их еще можно исполнить. Прошлое счастье не создает подобных проблем, поскольку на него нельзя повлиять. Нет у нас и достаточных оснований для пренебрежения будущими желаниями. Если их возникновение неизбежно, то именно на их фоне решение будет оцениваться спустя некоторое время. По мнению Р. Брандта, это означает, что процедура выявления прироста благосостояния от альтернативных линий поведения становится бесконечно сложной и искусственной².

Другая часть проблем, связанных с измерением индивидуального благосостояния, порождена вопросом о том, какие из удовольствий или желаний необходимо учитывать, определяя индексы полезности планируемых поступков: все или только некоторые. Утверждение о том, что любое удовольствие

¹ См.: Harsanyi J. C. *Expectation Effects, Individual Utilities, and Rational Desires // Rationality, Rules, and Utility: New Essays on the Moral Philosophy of Richard B. Brandt* / ed. by B. Hooker. Oxford : Westview press, 1993. P. 115–126.

² См.: Brandt R. *Morality, Utilitarianism, and Rights*. N.Y. : Cambridge univ. press, 1992. P. 158–178.

(удовлетворенное желание) увеличивает благосостояние человека, существенным образом расходится с интуитивно очевидными представлениями. Удовольствие от импульсивных само-разрушительных действий является хорошим примером. Для того чтобы уменьшить такое расхождение, современные утилитаристы готовы принимать в расчет только те желания (удовольствия), которые являются «глобальными», т.е. вызваны не отдельным событием, а соответствием происходящего со мной моему видению наилучшей жизни (Дж. Гриффин), а также «информированными» (Дж. Харсаньи) или «рациональными» (Р. Брандт), т.е. прошедшими рефлексивную процедуру проверки их аутентичности. С точки зрения Р. Брандта, аутентичность желаний проверяется посредством «когнитивной психотерапии» — процесса, в ходе которого человеку неоднократно, в предельно ясном виде и в обстановке способствующей спокойному обдумыванию, предъявляется вся относящаяся к условиям и последствиям удовлетворения определенного желания информация. Когнитивная терапия не является средством моральной (ценностной) критики желаний, она всего лишь исключает те желания, которые возникают в результате ошибочных представлений о мире и о себе. Когда речь идет об оценке благосостояния другого человека когнитивная терапия превращается в гипотетическую процедуру¹.

Наконец, в современной утилитаристской мысли обсуждается качественная неоднородность желаний и удовольствий, которая вносит существенные поправки в методики определения количественных показателей индивидуального благосостояния. Часть философов морали следует за Дж. С. Миллем, признавая качественное отличие высших удовольствий от низших, а значит, отсутствие возможности компенсировать недостаток высших удовольствий за счет прибавления любого количества низших. Однако их оппоненты указывают на тот факт, что из качественного характера различий следует сомнительный вывод, что повышение критически низкого уровня низших удовольствий или даже устранение положительного страдания, относящегося к телесно-чувственной сфере, нельзя скорректировать за счет самых минимальных потерь в области высших удовольствий. Благосостояние человека, который имеет возможность прослушать 100 концертов классической музыки и страдает при этом от непрерывных мучительных болей, должно оцениваться как более высокое, чем благосостояние человека, который не страдает от болей, но про-

¹ См.: Brandt R. *Theory of the Good and the Right*. Oxford: Clarendon press, 1979. P. 110–129.

слушал на один концерт меньше¹. Чтобы избежать таких выводов, многие современные утилитаристы признают общую правомерность миллевского разграничения, однако пытаются избежать тезиса о радикальной несоизмеримости разных удовольствий. Они используют для обоснования относительного преимущества высших удовольствий такие количественные параметры, как расширение общей чувствительности и восприимчивости человека, а также меньшее количество негативных последствий. По мысли Дж. Дж. Смарта, этот подход является рациональным еще и потому, что в области реальной нравственной практики количественный и качественный подходы к разграничению удовольствий не ведут к существенным разногласиям².

3. Определение суммарной полезности коллективов. В сфере определения полезности, относящейся ко множеству людей, затронутому последствиями определенного решения, можно выделить две группы проблем. Первая группа связана с трудностью сравнения уровня удовлетворенности одного человека с уровнем удовлетворенности другого. Счастье или позитивные переживания, возникающие от исполнения желаний, являются сугубо субъективными феноменами: они не поддаются непосредственной фиксации и очевидному масштабированию. В этом вопросе мы лишены точек отсчета, единиц измерения и измерительных приборов. Внутри собственного психического опыта каждый человек проводит разграничения между приятными или неприятными ощущениями по их интенсивности, хотя его суждения по этому поводу и не могут быть проверены извне. Но когда речь заходит о таком же сравнении в отношении к разным людям, подвергающимся одинаковому воздействию, а тем более — к разным людям, подвергающимся разным воздействиям, исчезают хоть сколько-то надежные основания для итогового суждения. Как заметил современный утилитарист Р. Гудин то обстоятельство, что и я, и ты рассматриваем боль от укола булавкой как намного меньшую, чем боль от сломанной руки, не может стать «архимедовой точкой, позволяющей сказать определенно, что моя сломанная рука для меня хуже, чем твой булавочный укол для тебя»³. Чувствительность к боли одного человека может быть на-

¹ См. современную дискуссию о высших наслаждениях: Riley J. *Is Qualitative Hedonism Incoherent?* // *Utilitas*. 1999. Vol. 11. № 3. P. 347–358; Ryberg J. *Higher and Lower Pleasures — Doubts on Justification* // *Ethical Theory and Moral Practice*. 2002. Vol. 5. 415–429.

² Smart J. J. *An Outline of a System of Utilitarian Ethics*. P. 24–25.

³ Goodin R. E. *Utility and the Good* // *A Companion to Ethics* / ed. by P. Singer. Cambridge: Blackwell. 1993. P. 245.

столько больше, чем чувствительность другого, что укол будет весить на беспристрастных утилитаристских весах не меньше, а больше, чем сломанная рука. Это не исключено, но и недоказуемо. В утилитаристской этике и близкой к ней экономической теории благосостояния эта проблема получила название «проблема межличностных сравнений».

Вторая группа проблем связана с тем, что суммирование положительных и отрицательных переживаний разных людей ведет к некоторым следствиям, которые не приемлемы для общераспространенных моральных представлений. Прежде всего оно создает преференции в пользу людей, которые от природы или в результате специфического жизненного опыта имеют повышенную чувствительность по отношению к удовольствию или страданию. Особенно противоречивыми с нравственной точки зрения являются преференции, которые порождает повышенная чувствительность к удовольствию. Это можно продемонстрировать с помощью мысленного эксперимента «монстр полезности». В свете утилитаристской этики человек, обладающий многократно превосходящим средним уровнем способностями к получению удовольствий (к извлечению полезности из определенной порции ресурсов), имел бы полное моральное право на такую долю ресурсов, которая многократно больше доли любого среднего человека. Еще более абсурдным является другое следствие: если бы какой-то из «монстров полезности» получал удовольствие от страданий других людей, то причинение таких страданий было бы морально оправданным. Второй парадокс суммирования индивидуальных индексов счастья (удовлетворения желаний) связан с выбором способов увеличения полезности. Рост суммарной полезности может опираться как на меры по увеличению уровней индивидуального благосостояния, так и на меры по увеличению количества субъектов, способных к переживанию счастья (удовлетворению желаний). Между этими способами нет никакого ценностного различия. В подобной перспективе нищее и большое сообщество может оказаться лучше материально благополучного, но небольшого, а значит переход от благополучия, сопряженного с контролем над численностью населения, к нищете при неконтролируемом демографическом росте или при его стимулировании будет допустимым или даже морально обязательным (так называемый «отвратительный вывод»). Наконец, суммирование полезности, предполагающее возможность обеспечивать благосостояние большинства за счет потерь или сохранения низкого уровня благосостояния меньшинства, может санкционировать самые вопиющие социальные

неравенства, эксплуатацию и подавление. Это обстоятельство создает третий парадокс суммирования.

Каковы возможные способы преодоления этих трудностей, предложенные самой утилитаристской этикой. Одним из наиболее эффективных способов обойти проблему межличностных сравнений является переход к ординалистской интерпретации полезности (ординалистская версия утилитаризма разработана К. Эрроу)¹. Исследователь может отказаться от обсуждения относительной интенсивности желаний отдельного человека и разных людей, ограничившись учетом артикулированного ими порядка предпочтений. В определенный момент времени ситуация А предпочтительна для меня ситуации В, а та в свою очередь предпочтительна ситуации С. Никакие количественные индексы этим ситуациям можно не приписывать. Ординалистская интерпретация полезности отвечает отчасти и на другие проблемы суммирования. Так, повышенная чувствительность к удовольствиям «монстров полезности» теряет на ее фоне всякую моральную значимость. Однако дело в том, что на основе порядка индивидуальных предпочтений оказывается крайне сложно установить порядок предпочтений для определенного сообщества в целом. Знаменитый «парадокс голосования» свидетельствует об этом чрезвычайно ярко. В том случае, если предпочтения лица *a* в отношении трех альтернатив будут $A > B > C$, лица *b* — $B > C > A$, лица *c* — $C > A > B$, то способом определения коллективного приоритета может быть лишь двухэтапное голосование. Сначала — по поводу одной пары альтернатив, а затем — по поводу победившего на первом этапе и еще не ставившегося на голосование варианта. Исход такой процедуры будет зависеть исключительно от того, какая из пар окажется первой поставлена на голосование (т.е. от случайного фактора). В той же мере случайным (или же пристрастным) будет вывод о максимальной полезности для группы *abc*.

Преодоление проблемы межличностных сравнений может вестись и на другом направлении — доказательства ее малой значимости для суммирования. Так, Дж. Харсаньи полагает, что для осуществления межличностных сравнений нам достаточно изучить словесно артикулируемые предпочтения других людей, совокупность внешних выражений этих предпочтений в их поведении, а затем осуществить воображаемое проникновение в их сознание. Случаев, когда такая методика подводит, в реальной практике не

¹ См.: Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности. М.: НИУ ВШЭ, 2004; Arrow K. J. Some Ordinalist-Utilitarian Notes on Rawls's Theory of Justice // Journal of Philosophy. 1973. Vol. LXX. № 9. P. 245–263.

так много. Лишь экзотические формы культурного опыта вызывают сомнение в перспективе межличностных сравнений. Это, по мнению Дж. Харсаньи, позволяет сохранить права за умеренным кардинализмом (интерпретацией полезности в качестве величины, интенсивность которой может быть измерена)¹.

Для предотвращения выводов, противоречащих нравственной интуиции, господствовавший в классическом утилитаризме принцип увеличения совокупной полезности заменяется на иные принципы или модифицируется. Одним из замещающих принципов является принцип «средней полезности», который требует исчислять удовлетворенность предпочтений на душу населения (Дж. Дж. Смарт, Дж. Харсаньи). При его применении лишаются моральной санкции экстенсивные стратегии роста удовлетворенности предпочтений. Другим субститутутом является принцип В. Парето, часто, но не всегда совмещающийся с ординалистской интерпретацией полезности. В соответствии с ним действие оправдано, если в его результате хотя бы один человек увеличивает удовлетворенность своих предпочтений, а остальные ее не уменьшают. Принцип В. Парето автоматически гарантирует внимание к благосостоянию каждого человека, чей интерес затронут определенным действием. Он не дает возможности жертвовать единицами ради общего блага. Однако его существенным недостатком является то обстоятельство, что сам он серьезно противоречит нравственной интуиции. Ведь он запрещает ухудшать положение отдельных индивидов в сравнении с определенным status quo и, значит, способствует сохранению тех ситуаций, традиций или институтов, которые предполагают неравенство, эксплуатацию и подавление. Принцип В. Парето категорически запрещает осуществлять мероприятия, которые ведут к росту благосостояния большого количества людей, если эти мероприятия требуют даже минимальных потерь меньшинства. Он сохраняет свой консервативный заряд даже в том случае, когда это меньшинство осуществляет диктатуру или присвоило себе львиную долю материальных ресурсов. Выходом из этого положения считается правило компенсации людей, проигравших от не соответствующего принципу В. Парето изменения (так называемое правило Калдора-Хикса)².

¹ Харсаньи Дж. Межличностные сравнения полезности // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла, М. Милгейта, П. Ньюмена. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 447–454.

² Hicks J. The Foundations of Welfare Economics // Economic Journal. Vol. 49. №. 196. P. 696–712; Kaldor N. Welfare Propositions of Interpersonal Comparisons of Utility // Economic Journal. Vol. 49. №. 195. P. 549–552.

Но его оправданность тоже стоит под вопросом: не означает ли полная компенсация проигравших того, что положение вообще не изменилось? Одной из самых известных модификаций или конкретизаций принципа совокупной полезности является требование обязательного учета известной уже классическим утилитаристам тенденции «убывания предельной полезности». Эта тенденция состоит в том, что удовлетворение от каждой новой порции некоего блага («предельная полезность») имеет тенденцию к уменьшению пропорционально уже существующей обеспеченности им реципиента. Отсюда следует, что получение немущими определенного количества благ дает в целом больший прирост полезности, чем потеря того же количества благ избыточно обеспеченными (Р. Хейр, Р. Брандт и др.)¹.

4. Зависимость нравственной оценки действия от его последствий. Значительные трудности утилитаристской этики связаны с ее консеквенциалистским характером. Прежде всего под вопросом стоит наличие познавательных средств, которые позволяют с точностью определять относящиеся к туманной области будущего последствия отдельных действий или функционирования нормативных систем. Ни один самый мощный интеллект не способен проанализировать всю необходимую для принятия консеквенциалистского решения информацию. Однако наиболее шокирующим с этической точки зрения следствием консеквенциализма оказывается зависимость, возникающая между сугубо интеллектуальными свойствами человека, задействованными в процессе предвидения, и итоговой моральной оценкой его поведения. С точки зрения утилитаризма, моральный субъект может оказаться признан совершившим безнравственное действие, нарушившим свой долг просто в силу того, что он недостаточно искусен в деле определения отдаленных последствий своих поступков.

Отдельной проблемой является вопрос об итоговом состоянии дел, которое подлежит оценке в свете произведенной действием полезности. Необходимость выбирать такое состояние ставит утилитаристского морального субъекта в крайне двусмысленное положение. Ограничивая анализ последствий своих действий определенным моментом во времени, он снимает с себя ответственность за все, что произойдет позднее, даже если через секунду после этого момента случится спровоцированная его действиями катастрофа. Отказываясь от подобного ограничения, он сталкивается с полной неопределенностью в отношении круга затрону-

¹ Hare R. M. Moral Thinking. Its Levels, Method, and Point. P. 164–165; Brandt R. Fact, Values, and Morality. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1996. P. 206–207.

тых действием лиц и возможного влияния на них планируемого поступка. Другими словами, он лишается всяких оснований для предпочтения той или иной альтернативы. Если обсуждаемое им решение предполагает самоограничение ради тех, кто будет жить в будущем, как это происходит при использовании общего достоинства нации или человечества, то отсутствие отчетливого и ограниченного временного горизонта расчетов диктует абсолютную жертвенность со стороны ныне живущих людей. Ведь они ограничивают себя ради благосостояния потенциально бесконечного количества субъектов.

Ответ на некоторые трудности, связанные с предвидением будущего, дает так называемый вероятностный утилитаризм¹. Именно он соответствует двум глубоко укорененным моральным убеждениям. Во-первых, убеждению в том, что поступок, последствия которого имеют максимальный эффект в отношении суммарного благосостояния, но могут наступить с очень небольшой степенью вероятности, не является наилучшим в моральном отношении, если его менее благотворные альтернативы обладают гораздо большими шансами воплотиться в действительности. Во-вторых, убеждению в том, что наступление маловероятных негативных последствий какого-то действия не делает его безнравственным. Вероятностный утилитаризм открывает также возможность для снижения излишней требовательности к когнитивным способностям утилитаристского морального субъекта. Он вменяет ему такой уровень определения вероятности последствий своих действий, который доступен любому взрослому человеку, чьи умственные способности находятся в пределах нормы.

Ответ на трудности, связанные с итоговым состоянием дел возникает на основе тезиса о пропорциональном убывании сегодняшней ценности будущего благосостояния (так называемое «дисконтирование будущего»). Как в индивидуальном опыте, так и по отношению к группам людей будущее счастье (удовлетворение предпочтений), как и будущее страдание, должны рассматриваться с определенным понижающим коэффициентом. Чем более отдаленными во времени являются последствия поступка, тем меньшую значимость они должны иметь в сравнении с последствиями ближайшего будущего. Это означает, что последствия определенного действия постепенно «затухают» и «растворяют-

¹ Дж. Дж. Смарт оформляет вероятностный утилитаризм с помощью понятия рациональных в нравственном отношении действий, в отличие от нравственно правильных (*Smart J. J. An Outline of a System of Utilitarian Ethics*. P. 37–42, 47). См. также: *Hare R. M. Moral Thinking. Its Levels, Method, and Point*. P. 132–133.

ся» по мере дальнейшего течения времени и, начиная с какой-то точки на временной оси, ими можно пренебрегать. Среди основных аргументов пользу дисконтирования будущего — склонность к нему каждого человека, принимающего решения, касающиеся его собственной жизни, а также неустранимая неопределенность по поводу того, будут ли существовать лица, затронутые последствиями действия, в будущем. В отношении частного вопроса о материальных самоограничениях ныне живущих людей ради благосостояния людей будущего в пользу дисконтирования работает еще и такое обстоятельство, как возможность увеличивать общее достояние за счет эффективного использования ресурсов в ближайшей временной перспективе¹.

4.4. Моральный абсолютизм

Моральный абсолютизм включает в себя абсолютно-гетерономные, абсолютно-автономные, феноменологические, интуитивные теории. Его суть заключается в провозглашении морали в качестве безусловной и самой важной основы человеческой деятельности, а стремления быть моральным — в качестве основного смыслообразующего мотива. Эта позиция была выражена Сократом, Кантом, находила выражение в стоицизме, христианской этике. Утилитаризм выступает с противоположных позиций, рассматривая мораль лишь в качестве средства достижения счастья. Для абсолютизма счастье заключается в самой добродетели, для утилитаризма добродетель — лишь путь к счастью. Это, конечно, крайние варианты формулирования того и другого подхода. В современной этике эти крайности смягчаются, в отдельных тезисах движутся навстречу друг другу. Но дилемма все равно остается.

При абсолютистском подходе к морали утверждается, что есть такие незыблемые нравственные принципы, которые не должны нарушаться ни при каких условиях. Их происхождение может объясняться по-разному. В *абсолютно-гетерономных теориях* нравственность часто непосредственно выводится из Божественной воли, а приоритет морального мотива утверждается на основе представления о справедливом воздаянии, о том, что Бог судит человека прежде всего именно за его нравственные дела. В других концепциях Абсолют рассматривается как то, что постоянно

¹ *Broom J. Ethics out of Economics*. N.Y. : Cambridge univ. press, 2004. P. 44–67; *Cowen T., Parfit D. Against the Social Discount Rate // Justice Between Age Groups and Generations / ed. by P. Laslett, J. Fishkin*. New Haven : Yale univ. press, 1992. P. 144–161.